Чужая жена. Двойная сделка

Автор:
Ольга Дашкова

Чужая жена. Двойная сделка

Ольга Викторовна Дашкова

Двойное #3

Виктория и не подозревала, когда пошла в то место, в загородный клуб – логово порока и соблазна, просить отсрочить долги мужа, что он уже проиграл ее в карты. Проиграл сразу двум мужчинам. Как и не предполагала, что они возьмут взамен. И они взяли. Но это оказалось еще не все. Теперь у девушки нет обратного пути, или быть с двумя монстрами, или вновь вернуться к тому, кто предал. Вика сделала выбор, но дальше все стало еще сложнее. Сможет ли она простить, полюбить и остаться с теми, с кем так жестоко ее свела судьба?

Содержит нецензурную брань.

Ольга Дашкова

Чужая жена. Двойная сделка

ГЛАВА 1

– Крошка, ты так и будешь стоять? Тимур, ты кого нам привел?

– Я не приводил, она сама.

– Как занятно, она сама. Нахрена нужен ты и вся служба охраны, ели любая девка, сверкнув титьками, может к нам зайти?

– Я ничем не сверкала.

– О, она умеет говорить. Тимур, ты знал?

– Да, она что-то говорила.

– Господи, как я устал от идиотов. Тимур, ты, сука, идиот, ты знаешь об этом?

– Как скажете, шеф.

Стоявший, облокотившись на стол, мужчина в строгом костюме, выпустил в потолок кабинета три красивых идеальных кольца сигаретного дыма. Вика засмотрелась, словно на некий аттракцион, но то место, где она сейчас находилась, на цирк не походило совсем. А самое главное, то, зачем она пришла, никак не тянуло на развлечение.

Этого высокого, остроумного блондина звали Альберт, Альберт Фирсов, кто знал его близко и не очень, называли просто Фирс. Стильная прическа, легкая светлая щетина, безупречно сидящий на широких плечах очень дорогой пиджак. Очень наглый, очень уверенный, очень циничный, в нем все было «очень».

Чуть прищуренный взгляд голубых глаз, острые скулы, четкий профиль, если бы не хищный оскал, то он вполне мог быть воплощением греческого бога. Не хватает белой тоги и лаврового венка. Хотя, нет, он больше походил на опасного дикого зверя.

Жестокий, бескомпромиссный, про него ходили разные слухи, один страшнее другого, Антон очень красочно его описывал, рассказывая, какой он гад. Много что говорил, Вика просто слушала невнимательно, находясь в шоке от всей ситуации в целом. Фирсов, даже ничего не сказав, уже внушал страх, страх и еще что-то, девушка поняла это сразу, как только вошла в помещение.

– Ну, ты так и будешь стоять?

Альберт подошел совсем близко, склонил голову. В полумраке кабинета элитного комплекса отдыха фигура девушки казалась темной, в каком-то длинном уродском плаще, туго завязанном на талии. Темные волосы распущены, ниже плеч, она постоянно кусала нижнюю губу и перебирала в руках пояс, испуганно бегая глазами. Альберту хотелось встряхнуть ее, чтоб она уже сказала, зачем пришла, и пойти по своим делам, его ждет партия в покер, а потом шлюхи.

Присмотрелся лучше, снова сделав затяжку, выпустив дым ей в лицо, от чего она поморщилась. Обыкновенная, каких много, лет двадцать, а может и меньше, не любил таких малолеток. Фирсов за дверью мог насобирать подобных пачку, не в таком, конечно, стремном плаще. А эта немая сцена уже начинала раздражать.

– Рус, может, это к тебе? Ты никого не ждешь? Поклонница твоя.

Девушка вскинула на него глаза, потом посмотрела в угол, там в кресле сидел второй мужчина. Руслан Ястребов, больше она о нем ничего не знала, кроме имени. И еще, по словам своего мужа, то, что эти два ублюдка разрушили его бизнес и жизнь. Разрушили их жизнь.

Тот мужчина ничего не ответил, только продолжал наблюдать, девушка чувствовала его взгляд, он словно сканировал ее насквозь.

– Я пришла отдать долг.

– Ну, наконец-то! Я думал, придется вести ее в комнату пыток. Какой долг, крошка? Ты разбила в баре бокал или бутылку дорогого пойла? Так мы все это решим. Вставай на колени, отсоси, и свободна.

Он громко рассмеялся, явно довольный своей шуткой. У девушки округлились глаза еще больше, при таком освещении они были, как две черные точки.

– Нет, я ничего не разбивала.

– Меня заебали эти долбаные загадки, – Альберт говорил медленно, проговаривая каждое слово прямо ей в лицо. – Кто тебя послал?

– Мой муж, точнее, я сама. Он сказал, что должен вам крупную сумму денег. Я пришла просить об отсрочке, пока не продам квартиру.

– Напомни, кто твой муж?

– Миронов Антон.

Повисла пауза, а потом Фирсов громко рассмеялся.

– Аахахахахах…. гребаный ебучий случай! Я обещал отрезать ему яйца, а оказывается, у него их просто нет. Рус, ты видел? Девчонка пришла просить за своего конченого мужа. Он точно твой муж? Ты ничего не напутала?

Вика растерянно смотрела то на одного мужчину, то на другого, то на притихшего охранника Тимура, и совершенно ничего не понимала. Это он о ком сейчас? О ее Антоне? Он конченный?

– Вы, наверно, путаете, Антон – он не такой, у него возникли трудности.

– У него трудности с головой, точнее, отсутствие мозгов, вот его трудность. В хлам забитых коксом мозгов.

– Коксом? Я…я не понимаю.

– Ты что, с Луны, детка?

– Нет…но…

Девушка прикрыла глаза, пытаясь успокоиться. Этого не может быть, Антон никогда не принимал наркотики, он порядочный человек, они вместе два года, она бы точно заметила. Кокс ведь – это кокаин? А не какая-то приправа к мясу?

– Ну, и как ты собираешься отдавать пятьдесят тысяч долларов?

Фирсов чисто так, для поддержания темы, задал этот вопрос. Он начал что-то припоминать, те события, что произошли три дня назад, о которых он уже

забыл. Хотя, нет, скорее, отложил этот вопрос на потом.

– Пятьдесят? Почему пятьдесят? Почему долларов? Антон сказал, что должен вам три миллиона рублей, после продажи небольшой квартиры должно хватить.

– Вот гондон, – Фирсов хотел сплюнуть прямо на пол, но не стал этого делать, не любил бардак. – А чего у папочки не попросил? Кишка тонка, или тот перекрыл ему весь кислород, зная о забавах сына?

А вот теперь смеялся не только Альберт, но и охранник Тимур. Но Фирсов как-то резко замолчал, приподнял ее лицо за подбородок двумя пальцами, а ей сразу стало еще страшнее.

– Пятьдесят тысяч долларов – это почти четыре миллиона. Ты ведь умеешь считать, детка?

Что за ужасное слово «детка»? Ее никто так никогда не называл.

– Четыре? Но…у меня нет столько.

– Это он заставил тебя прийти? – Фирс снова оказался очень близко, от него пахло сигаретами, дорогим табаком, не теми дешевыми, что курил ее отец, тот запах она с детства не забудет никогда.

– Нет, Антон не просил. Я сама, я хочу сама поговорить с вами, вернуть, что смогу. Может, заключить сделку, отсрочку. Пока я не продам квартиру, но там совсем немного выйдет. Можно как-то прийти к компромиссу, ведь мы все цивилизованные люди.

– Сними плащ.

Альберт отошел от девушки на два шага, продолжая ее рассматривать. Ресницы дрожат, губы искусаны, такая святая простота и невинность, словно сама не знает, к кому и зачем пришла. Или, может, просто играет? Он пачками повидал таких актрис, сироток и обманутых псевдодевственниц.

– Я не понимаю?

– Сними плащ.

В кабинете повисла тишина, девушка слышит, как бьется ее сердце, как в висках отдается его стук. Глаза мужчины прожигали ее насквозь, она начала медленно развязывать пояс плаща, словно под каким-то гипнозом, потому что его нельзя ослушаться. Под плащом было только простое трикотажное платье чуть ниже колен, с длинными рукавами и высоким горлом.

Он что, заставит ее раздеться полностью? А на что она готова пойти ради спокойствия своей семьи? Готова вот так раздеться перед незнакомыми мужчинами? И для чего? В голове не укладывалась вся абсурдность данной ситуации, еще несколько дней назад все было хорошо, относительно хорошо.

А вот сегодня она стоит перед этим странным мужчиной, колени дрожат, во рту пересохло, ноги словно приросли к полу. Она прекрасно понимает головой, что надо бежать, как можно дальше и быстрее, забыть, что она тут была, забыть все.

Спускает плащ с плеч, затем он падает к ногам, сразу становится прохладно. Альберт обходит девушку по кругу, рассматривая и прицениваясь.

– Сделка, говоришь? Тимур, сколько стоит проститутка?

– Смотря какая. С обочины отсосет за пятьсот рублей, те, что в клубе, дороже, есть элитные в салонах.

– Сколько бы ты дал за эту?

Фирсов кивает в сторону стоящей девушки, а у нее подкашиваются ноги.

– Ну, смотря, что она умеет. Какой у нее стаж, если свежая и не потасканная, то бабла жалеть не стоит. Я бы не пожалел.

– Ты умеешь делать глубокий минет?

Это сейчас вопрос ей? Минет? Какой? Глубокий? Да, она иногда ласкала Антона орально, но это было не главное. Господи, да что за чушь лезет в голову?

– Нет.

– Анальный секс был?

Что?

– Нет, что вы, никогда.

– Нет, Тимур, она ничего не умеет.

Складывалось такое ощущение нереальности происходящего, что все это не с ней, а с какой-то другой девушкой по имени Виктория Миронова. А мужчина все продолжал рассматривать ее, словно делает покупку в магазине, расспрашивая о характеристиках товара. Он снова подошел совсем близко, в его глазах невозможно было что-то рассмотреть.

– Рус, иди посмотри.

– Мне и так все видно.

Вика посмотрела в его сторону, но видела только силуэт в кресле.

– Тимур, выйди, а ты сними платье.

Дверь открылась и закрылась снова, девушка вздрогнула от щелчка замка. Она осталась одна в клетке с двумя хищниками. Ей нельзя уйти, потому что пришла сама и добровольно, нельзя сказать им «нет», потому что такие люди не принимают слово “нет”.

Она чувствует это, она прекрасно знает, что сейчас будет. От этого трясет все тело в диком страхе.

– Раздевайся, – холодный приказ Фирсова, и снова сигаретный дым в лицо.– Начнешь отрабатывать прямо сейчас.

Он тушит сигарету в пепельнице, снимает пиджак, кидает его на стол. Из кармана брюк туда же летят несколько упаковок презервативов.

Господи, как она вообще попала сюда? Вика так долго набиралась смелости, ничего не сказала мужу, пошла просить об отсрочке. Проживут как-то, не в деньгах счастье, Антон обещал, что все будет хорошо. Она так отчетливо помнит, как он пришел ночью, и что последовало потом.

ГЛАВА 2

Шлюха работала исправно, насаживаясь на член ртом, облизывала ствол и снова заглатывала до гортани. Антон, откинувшись на спинку дивана, широко расставив ноги, простонал, представляя, что это его Вика так хорошо делает минет, ублажая своего мужа.

Вот она, откинув темные волосы, наклоняется, карие глаза блестят от желания, она сама этого хочет, берет глубже. Антон ловит свой кайф, начинает кончать, сперма омывает ее горло, но она все благодарно принимает, высасывая до последней капли.

– Тебе понравилось?

Вся иллюзия рушится в один миг. Кто бы мог подумать, что Миронов, наваливая в рот шлюхе, будет мечтать о собственной жене? Вика так его вымораживала в последнее время. Он почти год трясется над ней, а хочет лишь того, чтоб его жена выполняла свои обязанности, не только варила суп и стирала рубашки, а еще не вела себя в постели, как зашуганная девственница.

Мужчина молча кинул девке купюру, заправил член, снова прикурил. В приват зоне клуба царил полумрак, играла тихая музыка, было еще не многолюдно. Он совсем за другим сюда пришел.

– Ну, что ты так обижаешь меня, я ведь не за этим с тобой, – девушка облизала губки и тут же их надула, обидевшись, но купюру взяла и ловко спрятала ее в кожаный бюстгальтер.

Ему не хотелось ни о чем с ней говорить, мысли были заняты другим, то минутное удовольствие прошло, оргазм отпустил. Антон и так натворил слишком много дел за последнее время, и самый неверный шаг, что он сделал, это связал свою жизнь с Викой.

Нет, не так, не неверный, надо было еще подумать, как-то уговорить отца не рубить с плеча, но он же такой оказался гордый и непоколебимый. А сам Антон – сущим идиотом, который повелся на красивые глаза и улыбку с ямочками на щеках.

Он встретил Вику совсем случайно, не в клубах и ресторанах, где он так часто отдыхал с друзьями, не в сауне или на курорте, а просто в кафе. Зашел туда случайно, колесо машины спустило, лил дождь, рядом какое-то заведение с нарисованной кофейной чашкой и кренделем.

Она сидела у окна и что-то рисовала в блокноте, а его как торкнуло тогда, когда девушка подняла голову, заправила за ухо прядь темных волос, обхватила губами кончик карандаша и посмотрела в окно.

Антон, в свои тогда не полные двадцать девять лет, пропитанный насквозь всеми пороками, какие можно было купить за деньги, подумал, что это он еще не отошел от вчерашней вечеринки, и дурь еще не отпустила. Но когда девушка повернулась и посмотрела на него, а потом мило так улыбнулась, отчего на ее щеках заиграли ямочки, он пропал.

– Ну, так что, Антош, продолжим?

– Не сегодня, уйди.

– Ну, Антоша.

– Я сказал, отвали.

Они познакомились, он не мог не подойти к такой девушке, словно не из его грязного мира, в которым он живет, кайфуя от него. Ее имя было Вика, Виктория, студентка художественного училища, мечтала преподавать детям рисование. Господи, Антон большей глупости не слышал, все его подружки ничего не хотели делать по жизни, искали толстый кошелек, чтоб жить безбедно за счет папиков.

Но Вика его поразила, словно колдовство какое-то. В двадцать один год она оказалась девственницей, вот это было реальным подарком. Он пошел наперекор отцу, матери, которые были, естественно, против девушки не из их круга. А Антону было наплевать, отец оставил ему лишь сеть табачных ларьков и машину, сказав, что он больше не получит ни копейки, отобрав элитную квартиру в центре, заблокировав все счета.

Но Антону было все равно, он, как слепой котенок, видел только свою Викторию, хотя прошлое напоминало о себе постоянно. Денег не хватало, а его молодая жена словно и не замечала этого, ее все устраивало. Друзья звали выпить, погулять, оттянуться, да и старые привычки не хотелось бросать. Легкие наркотики стали чуть более тяжелыми, бизнес шел не так гладко, потому что он ничего толком не умел и не хотел, привыкший жить за счет родителей. Назанимал денег у братьев и знакомых, играл ночами в покер в надежде сорвать куш.

Через год после женитьбы на Виктории, которая все никак не могла раскрепоститься в постели, Антон понял, что совершил ошибку, надо было не жениться, а просто встречаться с ней. Тогда был морок, помутнение, он видел и слышал только ее.

Она была бы идеальной любовницей, милой, кроткой, а потом бы он ее раскрыл, прогнул бы под себя, подмял. Отец бы не послал его в свободное плаванье, мать бы не воротила нос, брат не смотрел бы свысока, все бы было, как раньше.

Полгода ухаживаний, год в браке не принесли того удовлетворения, которого он хотел. При виде жены возникало сразу два желания: зацеловать ее до полусмерти, ее безумно желанное тело, красивое лицо, и затрахать во все дыры до беспамятства. Он лишь хотел, чтоб она стала в постели грязной шлюхой, вылизывала ему яйца и заглатывала член, как сейчас это делала Лида.

Он и любовниц-то себе выбирал, такого типажа, как жена, вымещая на них всю свою похоть, которую они с радостью принимали. Но не мог он Вику тронуть пальцем, заставить, принудить, изнасиловать.

Не мог.

До вчерашнего вечера.

Миронов прорычал, схватился за голову, опустив локти на колени. Что же он наделал? Какой глупец и кретин. Надо идти к отцу, просить денег, умолять его, быстро продать бизнес, машину, найти нужную сумму. Или лучше к Юрке? Брат все-таки, должен помочь, хоть и расскажет отцу. К Игнату лучше вовсе не соваться, тот вообще без башки. Надо было что-то делать, а он сидит здесь и просто смотрит в одну точку.

Он никак не мог поверить в то, что произошло три дня назад, и что он на это пошел. Антон посмотрел на правую руку, там не было обручального кольца. Прикрыл глаза, вспоминая до мельчайших деталей события.

Вот повышают ставки, этот чертов ублюдок Фирс ухмыляется, выпуская в потолок ровное кольцо дыма, смотрит на него, кривясь в ухмылке, можно взять весь банк, но ему нечего положить.

На руках был червовый стрит-флэш до дамы, чертовски хорошие карты. Очень хорошие. Адреналин кипел в крови, там же еще гуляла не выветрившаяся дурь. Все ждали его ответа, трое других игроков скинули карты.

– Моя жена, – на покерный стол, покрытый дорогим зеленым сукном, летит обручальное кольцо. Оно катится мимо фишек и, сверкнув ободком, ложится рядом.

– Жена? Зачем мне твоя жена? – мужчина смотрит холодным взглядом.

– У меня очень красивая жена.

– Красивая, говоришь? Ну, хорошо, – другое кольцо, уже сигаретного дыма, медленно уплывает в потолок.

– Ставки сделаны. Господа, прошу открыться.

– Стрит-флэш до короля, у вас стрит-флэш до дамы. Старшая карта король. Выигрыш господина Фирсова.

– Ты проиграл свою жену.

Антон не сразу осознал, что произошло, накрыло после, да так, что хотелось вздернуться.

– Так как, говоришь, зовут твою жену? – Фирсов тогда снова так нагло улыбнулся, наклонился над столами и взял с него лишь обручальное кольцо. – Жду с нетерпением нашего с ней знакомства. У тебя три дня.

Накатила тошнота, по телу прошел озноб, Антон знал, что надо что-то делать, надо идти к отцу, просить денег, хотя это так унизительно. Но он реально три дня назад проиграл в покер свою жену, бросил обручальное кольцо, так лихо, без какой-либо мысли. Но ведь он должен был выиграть, должен был!

Форсов всегда вставал у него на пути, этот наглый сукин сын возомнил себя всевышним, половина города ходит и прогибается под него. Он даже его табачные ларьки стеснил своей сетью, словно специально. Голодранец, поднявшийся из грязи, намеренно топил его, понимая, что нет поддержки.

Антон посмотрел на часы, ну не приедет же Фирсов сам за его женой? Это уже беспредел, надо попросить Вику, чтоб уехала в деревню к тетке на пару дней. Надо было увезти ее в тот же день, как все произошло.

ГЛАВА 3

Три дня назад

Вика испуганно вздрогнула, резко подняв голову с рук, посмотрела в темноту, был отчетливо слышен звук открывающегося замка входной двери. Она так и заснула прямо за столом в ожидании своего мужа. Антон в последнее время так

часто куда-то пропадал, не ночевал дома, а она волновалась и не могла заснуть.

– Антон, господи, что случилось?

В узком коридорчике вспыхнут свет, Антон стоял, облокотившись плечом о большое зеркало, и смотрел себе под ноги.

– Антон, тебе плохо?

Вика подошла ближе, обнимая себя руками, внутри, словно все сковало холодом, а еще было такое странное предчувствие надвигающейся беды. Последние несколько месяцев это предчувствие Вика улавливала слишком часто. Антон будто стал другим, или это все ей только кажется.

Они встретились почти полтора года назад, в этого молодого красивого мужчину нельзя было не влюбиться. Вика решила, что его ухаживания – это чья-то шутка, некий спор друзей. Ну, не мог такой мужчина, так потерять голову от простой девушки, которая в большой город переехала из поселка после окончания школы.

Но Антон так настойчиво и красиво ухаживал: букеты цветов, дорогие подарки. Он так разительно отличался от всех, с кем раньше Вика общалась. В художественном училище были только однокурсники, которые практически не обращали на нее внимания, считая странной и нелюдимой. Подруг не было, все девочки, с которыми она училась, смотрели на нее свысока. С кем она отлично ладила, так это с детьми, у которых вела кружок изобразительного искусства.

Да, Вика не была модницей, одевалась всегда скромно и сдержанно, вещи были вполне обыкновенные, платья и джинсы. Но никто не спешил с ней завести знакомство, все ограничивались парой дежурных фраз. Было несколько парней, что завали в клуб, но Вика категорически отказывалась, слишком опасно идти с незнакомцами куда-то, да еще ночью.

Антон так резко отличался от всех, старше ее почти на десять лет, такой взрослый, успешный, на дорогой машине. В училище все просто замучили вопросами, долго шептались, собирали сплетни, но она, как слепая и глухая, влюбилась в своего первого мужчину.

Антон с первых дней знакомства окружил ее таким вниманием, что Вика сдалась, не сразу конечно, и влюбилась как подросток. Но ведь такая и должна быть любовь, одна и навсегда, к одному и первому мужчине. Это все было, словно сказка, в которую Вика окунулась с головой, не веря до конца, что все реально.

О чем еще может мечтать девочка, воспитанная теткой в небольшом поселке? Нет, она не мечтала о богатом принце, но Антон показал ей сказку, так красиво ухаживал, смотрел, целовал, а потом сделал предложение. Странно, конечно, что не познакомил ее с родителями, сказав, что те живут за границей, да и жить они стали вместе в ее небольшой квартирке, оставленной в наследство старшей сестрой матери.

Но даже на это Вика не обращала внимание. Ведь все это не важно, когда двое любят друг друга и счастливы. Расписались быстро, никакого белого платья и банкета, это все было лишнее, Антон так и говорил, что никому не хочет показывать, какая у него красивая жена. Сделали хороший ремонт, и ей казалось, что они вполне счастливо живут.

А еще, он очень сильно ее ревновал, хотя, для этого совершенно не было повода. Отвозил в училище, встречал, не знакомил со своими друзьями и родственниками, покупал дорогое белье, любил, чтоб она в нем ходила по дому. Но на такие странности Вика закрывала глаза, оглушенная своими чувствами.

Вика училась, подрабатывая в детском доме творчества, конечно, не все в их такой еще недолгой семейной жизни было гладко. Антон часто нервничал, был не в духе, уезжал в командировки, Вика все понимала, но в последнее время странные отлучки стали чаще, а поведение и само отношения к ней Антона – хуже. Он вспыхивал, кричал, потом целовал, слишком груб был в сексе, Вика терпела, ведь ее муж не всегда был таким.

– Антон, что-то случилось?– спросила снова, протянула руку, чтоб погладить его по плечу, но мужчина так резко схватил ее запястье, больно сжав, дернул на себя.

Вика задрала голову, смотря на мужчину, бледный, с темными кругами под глазами, в которых только холодный блеск и ненависть.

– Ты болен, Антон? Тебе плохо?

– Да, мне очень плохо.

Он так сильно сжимал ее руку, Вика дернулась, пытаясь освободиться, но стало еще больнее.

– Антон, больно.

– Больно ей, а ты представляешь, как больно мне? Нет, ты не представляешь, этот сукин сын, тварь Фирсов, отобрал у меня почти все.

– Антон, успокойся, пожалуйста, мы все уладим.

Мужчина начинал уже кричать, его лицо исказилось в страшной гримасе, Вике самой стало страшно, она никогда не видела своего мужа таким. Антон резко замолчал, разглядывая девушку, теперь на дне его глаз вспыхнул огонь. Руки тут же схватили ее за плечи, переместились на горло.

– Такая красивая, ты, сучка, красивая, даже когда напугана, точно, ведьма, от которой я совсем потерял разум.

Вика видела, как сильно расширились его зрачки, заострились черты лица, это словно был сейчас другой человек, не ее Антон, не ее такой нежный и любящий муж. Он резко развернул ее спиной к себе, впечатал в стену узкой прихожей, задирал ночную сорочку, тут же спуская трусики.

– Антон, нет… не надо…не так… Антон.

Вика вырывается, но ее держат так крепко. Да что может сделать хрупкая девушка против мужчины весом восемьдесят килограмм и на голову выше? Она пытается что-то сказать, но рот зажимают ладонью, а между ног пальцы грубо проникают в ее сухое лоно так, что на глаза наворачиваются слезы.

– Сука, совсем меня не хочешь, никогда не хочешь, как бы я не стелился перед тобой. Сука фригидная.

Шорох одежды, Вику еще сильнее вдавливают в стену, заставляют прогнуть спину, она пытается руками помешать тому, что хочет сделать Антон, но грубое и такое глубокое проникновение заставляет ее захлебнуться в собственных слезах.

Он на самом деле насилует ее, хотя можно все было сделать по-другому. Несколько долгих минут, Вика уже не сопротивляется, чувствуя только боль и пустоту. В голове туман, закрыла глаза, принимая грубые и такие болезненные толчки члена, который словно рвал ее изнутри. Антон хрипел, имея ее только спустив штаны, как и был, в куртке и обуви, словно насильник свою жертву в темном переулке.

Вот он напрягся, дернулся, начал кончать, вынув член, помогая себе рукой, марая своей спермой. Слезы сами текли по щекам, нет, не от боли, а от обиды, от насилия собственного любимого человека. Что он так мог поступить с ней? Поступить с ними? И ведь это не первый раз.

Антон сжимает ее плечи, Вика вздрагивает, снова вырывается.

– Черт, Вик, прости, прости меня, девочка.

Антон разворачивает ее к себе, в его глазах столько сожаления, он гладит ее по лицу, вытирая слезы. Даже ее слезы его возбуждают, как помешанный на ней, больной.

– Вик, я кретин, я не знаю, что нашло на меня. Черт, милая, прости, прости. Я просто…столько всего навалилось. Бизнес не идет, я должен крупную сумму денег одному подонку, точнее, двум, их двое, суки ебаные, если не верну, то не знаю, что будет. Тебе, наверно, надо уехать.

– Денег? Уехать?

Вика вслушивается в слова Антона, он так растерян, постоянно говорит, просит прощения и гладит ее по лицу.

– Да, там три миллиона, сущая ерунда. Дали сроку три дня, я что-то придумаю, но, сука, как они меня достали!

– Три миллиона? Антон, это же так много. Господи, Антон, почему? Как?

– Меня просто кинули, я думал, будет общее дело, а они просто кинули, я так хотел, чтоб мы с тобой купили дом, помнишь тот, что видели в журнале, как заведем собаку и детей, но ничего не вышло. Прости, прости меня, маленькая, прости, я такой кретин.

Антон опускается на колени, обнимая Вику, целуя живот, цепляясь руками за подол сорочки.

– Прости, что обидел. Я такой урод. Господи, такой кретин.

– Но ведь как-то можно все решить, можно взять кредит, можно договориться. Надо пойти в полицию, написать заявление, что те люди вымогают деньги.

– Моя наивная девочка, это непростые люди, там же все куплено.

Антон тогда много что рассказал о тех людях, что им принадлежит большой загородный комплекс отдыха «Раздолье», назвал фамилии и имена, но Вика не так внимательно слушала, в голове крутилась эта огромная сумма и срок в три дня.

ГЛАВА 4

– Раздевайся, – холодный приказ Фирсова, и снова сигаретный дым в лицо. – Начнешь отрабатывать прямо сейчас.

Альберт отходит, тушит сигарету в пепельнице, снимает пиджак, кидает его на стол. Из кармана брюк туда же летят несколько упаковок презервативов.

– Я…я не стану раздеваться. За кого вы меня принимаете?

Господи, как она вообще попала сюда? Ведь пришла сама, добровольно, думал три дня, собиралась с мыслями. И вот, совершенно незнакомый мужчина отдает

ей приказы, а она, как послушная девочка, выполняет их.

– Не понял?

Вика медленно приседает, дрожащими руками поднимает с пола плащ. И что вообще на нее нашло, что она так послушно начала раздеваться?

– Я не шлюха и не проститутка, чтоб вот так начать оголяться по вашему приказу и давать собой пользоваться. Я совсем не за этим сюда пришла.

Девушка снов надела плащ, застегнув его на все пуговицы, завязав узлом пояс. Альберт не сводил все это время с нее глаз, с интересом наблюдая за такими резкими изменениями в поведение их гостьи. Вот совсем недавно она кроткой овцой что-то блеяла, а теперь вспыхнула, начала показывать зубки.

Стало даже интересно.

Какая смелая и дерзкая белка.

Снова медленно подходит, расстегивая пуговицы на рукавах рубашки, закатывая их до локтей. Девушка, кажется, перестает дышать, но, подняв голову, смотрит прямо в глаза. Освещение, конечно, не к черту, но Альберт разглядел цвет ее глаз.

Красивые глаза, светло-карие, с черным ободком, в них сейчас плещется страх, но она все равно продолжает смотреть в упор, не моргая, лишь ресницы дрожат. Почему они у нее такие длинные и пушистые? Альберт резко поднимает руку, Вика ничего не успевает понять, а он трогает ее глаза.

– Настоящие?

– Чт…что?

– Ресницы, настоящие?

– Ко…конечно, – пытается убрать его руку от своего лица.

От такой моментальной перемены настроения Вика теряется. Она на самом деле словно впала в транс на несколько секунд, этот мужчина так смотрел на нее, словно хищник, изучающий свою добычу, с таким неподдельным интересом. В голубых глазах холод, и еще что-то, но Вика не могла понять.

– Интересно.

Альберт скользит пальцами по скулам, губам, трогая, какие они мягкие и влажные, совсем без помады, и вроде бы настоящие. Ведет носом, вдыхая запах, слишком тонкий, едва уловимый, сигаретный дым перебивает аромат, но Алберт чувствует его.

Притягивает девушку ближе, сильные пальцы впиваются в тело, ведет носом по шее, вдыхая глубже. Яблоко?

Точно, это сладкое яблоко и еще какие-то ягоды. Девушка такая хрупкая и маленькая в его руках, чувствует дрожь ее тела, а сам начинает возбуждаться. Никогда не замечал, чтоб чей-то страх вызывал эрекцию.

Кто бы мог подумать, что Альберт Фирсов, тот, кто провел половину своей жизни в интернатах, меняя их один за другим, станет таким эстетом, которого на самом деле волнуют и возбуждают такие мелочи.

– Что вы делаете?

– А на что это похоже?

– Отпустите меня, – Вика попыталась высвободиться из железной хватки этого высоко мужчины, посмотрела за его спину, и испуганно вскрикнула.

Совсем рядом стоял другой. Кожаная куртка, короткая стрижка, колючий взгляд чуть прищуренных глаз, на шее татуировка. Это, наверно, Руслан, Антон говорил о нем, но совсем мало, больше склоняя Фирсова, то, какой он подлец и сволочь.

– Рус, ты видишь, какая сочная ягодка к нам пришла. Заметь, сама пришла. Напомни, как тебя зовут, сладкая?

– Виктория. Виктория Миронова. И никакая я вам не сладкая.

– Ну, я же говорю, ягодка, только фамилия поганая, она все портит.

– Я пришла поговорить о долге мужа. Антон говорил, что вы поступили не честно, что обманули его, и теперь он должен крупную сумму денег…

Вика не успевает сказать все, что хотела, раздается жуткий грохот, звон стекла, она вздрагивает. Прямо под их ногами вдребезги разбивается бокал или бутылка, Вика не понимает.

– Сука ебаная.

– Вот и я говорю, поганая фамилия, ты, ягодка, лучше не произноси ее больше, а то Рус бешеный становится.

Вика ничего толком не понимает, смотрит на мужчин, тот, что Руслан, тяжело дышит, сжимает кулаки и смотрит на нее так, словно она его самый заклятый враг. Альбер все еще прижимает Вику к себе, а та начинает, упираясь ему в грудь, пытается вырываться.

– Я прошу вас, давайте просто поговорим, мы ведь все люди и можем прийти к общему решению проблемы.

Альберт отпускает девушку, она, словно испуганный воробушек, отскакивает на пару шагов назад, поправляет плащ и волосы.

– Я понимаю, что вы рассержены, прекрасно понимаю, и деньги не маленькие, но мы все вернем, обязательно вернем, раз уж вы так настаиваете.

Альберт, запрокинув голову, начинает громко смеяться, хлопая по плечу радом стоящего Руслана, а тот не выказывает ни единой эмоции, лишь гнев, плотно сжатые губы и кулаки. Что, вообще, не так с этими мужчинами? Что Вика такого смешного или плохого говорит?

В мыслях полный хаос, после того, как Антон взял ее силой в прихожей, кажется, что внутри что-то оборвалось. Вика и раньше начала замечать грубость с его

стороны, но он всегда держал в себя в руках, извинялся, и до насилия никогда не доходило. Понятно, что такого в отношениях никак не должно быть, ей хватило наблюдать еще маленькой, как отец избивал мать, а она все прощала и терпела. Пока все не закончилось самым ужасным образом.

– Что я такого смешного сказала?

Альберт так же резко перестает смеяться.

– Твой поганый муж должен нам денег, немало так должен.

– Да, именно за этим я здесь.

– Он сказал только про долг, больше ни о чем?

– Да, что вы, как это сказать мягче, обманули его, подставили, и теперь он вам должен.

– И ты пришла сама, добровольно?

– Да, конечно, поговорить, попросить об отсрочке, три дня – это слишком мало. Можем заключить некий договор, сделку, я могу написать расписку.

– Какая прелесть, Ястребов, ты слышал? Расписку? Святая простота. Я просто хуею над этим гребаным миром.

Вике не понравился его тон. Она с тревогой посмотрела на Альберта, потом на Руслана, мужчина, не сказав ни слова, внушал страх лишь своим полным ненависти взглядом. Ястребов разглядывал девушку, видел, как сильно бьется венка на ее шее, как глаза стали еще больше, а потом она облизала губы и начала смотреть только на него.

Их разделяло всего несколько шагов, Руслан сделал их, хватая Вику за волосы, запрокинув голову. Такая красивая девочка, сколько ей лет? А уже связалась с мразью Мироном, чью семью Руслан ненавидел всем своим существом.

– Ты знаешь, что твой конченый муж должен нам не только деньги?

Голос такой низкий, что пробирает до костей, а в глазах чернота. На глаза наворачиваются слезы, не от боли, а от страха.

– Нет.

– Тимур!

Дверь моментально открылась, молодой человек зашел.

– Уведи ее в номер.

– В номер? Какой номер? Я никуда не пойду!! Вы не имеете право.

Вика упиралась ногами, но тот, кого звали Тимур, схватит ее за руку и потянул за собой.

– Отпустите, я буду кричать!! Меня будут искать, да что вы делаете?

– Да кончай ты орать, крошка, босс сказал увести, значит, я уведу.

Но Вика цепляется другой рукой за стены, углы, перила лестниц, потом спотыкается, падает на пол, но ее так ловко подбрасывают в воздухе. Тимур закидывает девушку на плечо, спускается вниз, проходит через банкетный зал, идет дальше, снова лестница.

Вике хочется сгореть со стыда, все, кто попадается им на пути, удивленно рассматривают их: официанты, посетители, даже горничная в коридоре.

– Вот, отдохни здесь и прекрати визжать, тебя все равно никто не услышит и не поможет.

Вику кидают на кровать, шаги, дверь закрывается на замок.

ГЛАВА 5

– Понравилась, да? Хорошая такая ягодка, ты видел ее глаза? Как белка напуганная. Я думаю, что за крошка заблудилась в нашем полном разврате и порока мирке? А оказалось, выигрыш пришел сам, своими ногами. Ну, разве это не прекрасно?

Руслан медленно обошел кабинет, остановился у стола, на котором так и лежали не использованные упаковки презервативов.

– Что она здесь делала? Зачем пришла?

– Ты же сам слышал, зачем, за своего конченого мужа просить. Любовь, она такая, что бельмо в глазу, ничего не видишь, кроме нее. Даже того, с каким говном живешь.

– Он реально ее проиграл?

– Реальней некуда. Красиво, кстати, проиграл, так лихо швырнул кольцо на стол. Я думал, что за спектакль? А нет, все реально. Девчонка так и сказала, что она Миронова. Миронова Виктория, а Антоха ее муж. Какая ирония судьбы. Забавно, да? Сука, я сам охренел, когда она это сказала.

Альберт размял шею, улыбнулся, тоже подошел к столу, взял сигарету, прикурил, пуская ровные красивые кольца дыма в потолок. Хорошо, что девчонку увели, на нее уже совсем нет времени, но ее реакция и отпор удивили. Боялась, видно было, как дрожали ресницы, но выдержала его взгляд. Забавная белка.

– Сука ебаная!

Мощный кулак Руслана обрушивается на стол так, что предметы, стоящие на нем, подпрыгивают.

– Ну, считай, бой ты сегодня выиграл. С таким-то настроем, как сейчас. Только я тебя прошу, не убей никого. Кстати, очень хорошие ставки.

– Плевать.

– Это я знаю.

Руслан стоял, опустив голову, тяжело дышал, грудную клетку сдавливает тисками ненависти и гнева. Он готов был придушить голыми руками все семейство Мироновых вместе взятых, как только эта девчонка произнесла эту поганую фамилию. Долго вглядывался и вслушивался в то, что она говорит, такая трогательная, напуганная, Фирс ее прессовал с любовью и иронией, одним из своих излюбленных способов, а она все равно продолжала говорить о долге и муже, что все вернет.

А когда схватил ее за волосы и запрокинул голову, вглядываясь в глаза, немного подвис. Красивые глаза, и девушка красивая, такая чистая, что ли: бледная кожа, чуть приоткрытые губы, совсем без косметики и кажется, что очень молодая. Хотел сделать больно, действуя на эмоциях, словно она в чем-то виновата, но не смог, только сказал пару слов, а потом Тимур увел ее.

Хорошо, что увел.

– Так она не знает?

– Думаю, нет. Скорее всего, нет. Разве эта тварь скажет когда правду?– Альберт, выпустил последнее кольцо дыма, затушил окурок в пепельнице. – Пойдем, Марат приехал, сыграем, потом бой, а потом уже девчонка.

Руслан так и стоял, смотрел на рассыпанную колоду карт и фишек на столе. Фамилия Мироновых была для него сродни красной тряпки для быка, вспыхивал моментально, лишь Альберт мог остановить и останавливал, так бы давно поубивал их всех. Что может быть страшнее давних счетов, по которым еще не заплачено?

– Что с ней будет?

Альберт не ответил, надел пиджак, взял телефон, стал просматривать сообщения, сразу отвечая на них. Он и сам не знал, на кой она сдалась им, вообще не думал об этом, но девочка, и правда, занятная, красивая, не испорченная. Ресницы пушистые, губки пухлые, она когда их кусала, у него вставал член, он реально был готов нагнуть ее прямо здесь.

– Можем проиграть ее Марату.

– Совсем ебанулся?

– Ахахаха, да шучу я. Самим пригодится такая ягодка, пусть посидит до ночи, подумает, как соваться к дяденькам с хреновым предложением. А это здесь откуда?

Они одновременно посмотрели на пол, почти у двери валялась небольшая дамская сумочка. Руслан подошел, взял ее в руки, открыл, внутри только телефон, ключи, наверно, от квартиры, и пара сотен купюр, студенческий билет, паспорт. Открыл, Виктория Сергеевна Миронова, дата рождения, место рождения, пролистал дальше, штамп о браке Мироновым Антоном Васильевичем, год назад.

– Она действительно его жена. Девочке двадцать два года, странные у Антохи вкусы, даже удивлен. Его уровень – обдолбанные шлюхи и стриптизерши в барах.

Руслан бросил сумочку и паспорт на стол, открыл студенческий билет. На фото была совсем молоденькая девушка с распущенными волосами ниже плеч, остриженной челкой, легкой улыбкой и чуть видными ямочками на щеках.

– Нихрена не понимаю, как вообще она стала его женой? Может фиктивный брак?

Альберт тоже заглянул в документы, покачал головой, собрал все снова в сумку и закинул в ящик стола.

– Сам спросишь у нее, ночь длинная. Пойдем, Марат ждет, а то проиграет все мои деньги другим.

Мужчины вышли, быстро спустились вниз, прошли через несколько помещений, спустились в подвал. Обстановка резко изменилась: небольшое пространство, чуть приглушенный свет по периметру и яркий над игровыми столами, покрытыми зеленым сукном. Народу в этот час было не много, крупье неспешно раздавал карты, официанты незаметно подносили выпивку.

Альберт осмотрел всех холодным взглядом, глубоко носом вдохнул аромат дорогого табака и алкоголя, а еще новых распечатанных колод карт. Его любимый аромат.

Фирсов, словно наркоман, был помешан на игре, но его привлекала отнюдь не жажда наживы и выигрыша, он любил саму игру. Красивую, тонкую, умную, где надо было не только собрать нужную высшую комбинацию, но и просчитать противника, угадать его блеф и провести своим.

Ошибка его соперников была в том, что они хотели наживаться, не понимая всей прелести игры, Альберт же легко расставался с деньгами, но чаще всего выигрывал. Сидящий на диване мужчина поднялся, протянул руку в приветствии.

– Марат, ну что, твой боец готов к сотрясению мозга? К стоматологу записался? – Альберт громко рассмеялся.

– Шуточки у тебя, Фирс, дебильные, – крупный мужчина с короткой стрижкой и красивой бородкой покачал головой, скривился, он говорил с легким акцентом, тут же посмотрел на здоровяка, сидящего в кресле.

Альберт обернулся, Руслан лишь кивнул, здороваясь с Маратом и своим будущим противником на ринге, развернулся и ушел, не любил он все это и не понимал, как Альберт может часами сидеть за картами. Когда лучше всех игр – это равная борьба на ринге.

Руслан скинул куртку, кинул футболку на маты, сжал кулаки, даже не обмотав их бинтами, начал наносить удары висевшей в зале тренировок груше. Удар, второй, третий, мозг четко знает, как вести себя телу, и ведет его. Мышцы напряжены, зубы плотно сжаты, он видит перед глазами ту девчонку, ее глаза с черным ободком на зрачках.

Интересно, за него кто-нибудь придет так открыто просить? Неужели она на самом деле любит самого младшего из всего конченого семейства Мироновых? Неужели такое возможно?

Но ему-то не светит ничья любовь, таких зверей, точнее, зверька, как его всегда называли в интернате, не любит никто. Ведь за все годы, проведенные там, никто так не пришел и не забрал, потому что некому было.

Один Фирс, который на три года его старше, всегда был рядом, даже когда первый покинул интернат. Братья как-никак, хоть и не кровные, если бы не он, то гнили бы сейчас его кости в какой-нибудь из канав за городом.

Не заметил, как прошло время, но вот Руслан уже стоит на ринге, выдохнул, расслабляя мышцы. В глаза бил яркий свет прожекторов, толпа гудела. Умел Фирс сделать шоу из ничего, местный злой гений их личного мирка полного порока и грязи, как он любит говорить.

Соперник, стоявший напротив, был выше и крупнее, Руслан лишь повернул головой, хрустнув позвонками, улыбнулся, продолжая ждать, пока на руки наматывают бинты.

Он уделает его в три раунда, надо поиграть, сразу уложить нокаутом скучно. А потом к той девчонке, чтоб понять, неужели правда она любит? Как там ее, Виктория? Посмотрел на Альберта, тот лишь курил, пуская кольца дыма в потолок, взглянул на него, подмигнул, Руслан лишь ухмыльнулся.

Звон гонга.

Тишина.

Удар. Блок. Еще удар. Подсечка. Шаг назад.

Он дома, вот его стихия.

ГЛАВА 6

Вика заснула, просто устала биться в закрытую дверь номера и кричать, чтоб ее выпустили. Сумочка, с которой она пришла, осталась в кабинете тех мужчин, а там телефон и все документы, как дура, бросила ее на пол от испуга.

После попыток открыть дверь, осмотрела номер. Он был очень красивый, она такие видела только в сериалах или журналах. Просторная комната, высокие почти в потолок окна, которые не открывались, тяжелые портьеры и воздушная тюль. Все выдержанно в графитово-серых и молочно-белых тонах, Вике очень понравилось само сочетание цвета, как художник она оценила это.

Ванная комната поразила размером, мелкими световыми точками на глянцевом потолке, и большой душевой, выложенной мелкой мозаичной плиткой. В таких номерах должен быть телефон, но, сколько бы Вика не искала по шкафам и тумбочкам, не нашла его.

За окном сгущались сумерки и был очень красивый вид на озеро. Ровная гладь воды и отражающиеся в ней еще зеленую листву деревьев, словно она попала в нетронутый уголок природы.

Должно быть здесь очень красиво осенью, когда лес окрасится яркими красками. Посмотрела вниз, был третий этаж, ровные стриженые кусты и ряд цветов. Элитный загородный комплекс «Раздолье», в одном из номеров которого она сейчас находилась, был далеко за городом.

Она прочла о нем в интернете, на большой территории размещались не только гостиница и клуб, а еще банкетные залы, крытый теннисный корт, ипподром, конюшни. Здесь можно было найти любой активный и не очень отдых за очень большие деньги, и полную конфиденциальность.

А еще, это, конечно, было написано на не официальном сайте, здесь есть казино, а также проституция и нелегальные бои без правил. Разве добропорядочные люди будут устраивать бордель и казино, если это незаконно? Да у Фирсова на лбу было написано крупными буквами, что он бандит, а еще пошляк, наглец и извращенец.

Вике пришлось добираться сюда на такси, отдала за эту поездку кучу денег, соврала охраннику на входе, что на свадьбу, благо, издалека увидела невесту в белом платье и ее подружек. Прочитала за спиной мужчины вывеску из красивых букв «Алексей и Анастасия», украшенную живыми цветами. А потом кое- как прорвалась в тот кабинет, чтоб поговорить с мужчиной по фамилии Фирсов.

Целый квест пришлось пройти, и все для чего? Словно ирония судьбы, сначала не могла попасть, а теперь не может выйти. Сама себя загнала в ловушку, поговорила, называется. Да ее чуть не изнасиловали в том кабинете, причем сразу двое мужиков.

Вика устала метаться, села на кровать, потом легла, как была в плаще и туфлях, в номере стало совсем темно, не было даже сил включить свет, да и зачем он нужен. Словно внутри перегорел предохранитель, за все эти дни напряжения и мыслей.

Интересно, что с ней будет дальше? Что задумали эти мужчины. Альберт и Руслан, оба такие разные. Вика поначалу испугалась, а потом, сама того не понимая, смотрела во все глаза, словно под гипнозом. Альберт говорил столько пошлостей, сравнивал ее с проституткой, так мерзко, так обидно. Но тем не менее, он не проявлял агрессии в отличии от Руслана.

Вика прикрыла глаза, она так и лежала на покрывале в плаще, лишь обхватив себя руками. Вспомнила, как Альберт трогал ее ресницы, удивлялся тому, что они настоящие, в голубых глазах было столько любопытства и искреннего удивления. А тот второй, Руслан, она постоянно чувствовала его взгляд, а потом увидела, сколько в нем ненависти и злобы. Откуда у него все это к ней? В чем она виновата?

Столько эмоций и впечатлений сразу, а еще мыслей, в ее жизни такое впервые. Вика не общалась никогда так близко и откровенно с такими мужчинами. Было страшно, непонятно, но был еще интерес и любопытство. Они не тянули с виду на насильников, маньяков, красивая и дорогая одежда, да она бы сочла их привлекательными, если бы не вся эта ситуация. А еще в них чувствовалась сила и власть.

Антон, наверно, ее потерял, при воспоминании о муже поморщилась, как от зубной боли. После того раза, в прихожей, на утро он снова захотел близости, а внутри уже что-то оборвалось, его прикосновения и ласки были так неприятны, что хотелось встать и уйти. Сейчас она понимает, что оборвалось не в тот вечера, а давно

Вика терпела, ведь Антон ее муж, все наладится, и это всего лишь секс, потом все вернется и будет как раньше. Но Вика переоценила себя, когда Антон,

смочив слюной пальцы, увлажнил практически сухое лоно, а потом вошел, стало совсем невыносимо. Хотелось вырваться, убежать, но она терпела, совершенно ничего не чувствуя. Нет, чувствовала, что ей противно и мерзко. А еще то, что ничего уже не будет, как раньше.

Проснулась резко, буквально за несколько секунд до того, как в номере открылась дверь. Было так темно, но вот зажегся тусклый свет, Вика открыла глаза, посмотрела на двух вошедших мужчин. Фирсов остановился посередине номера, а Руслан, не глядя в ее сторону, прошел в ванную комнату.

Альберт, склонив голову, изучал девчонку. В крови еще кипел адреналин от хорошо прошедшей партии в покер, а еще от красивого, хоть и не долгого боя Руслана. Захотелось выпить еще, подошел к бару, плеснул в бокал коньяка, выпил залпом. Продолжая через зеркало смотреть на девушку.

– Хочешь выпить?

– Нет, я хочу уйти отсюда.

–Ты же пришла договориться о долге мужа. Что, уже передумала?

– Нет.

Альберт повернулся, девушка уже стояла рядом с кроватью, поправляя плащ, слегка растрепанная, моргала своими длинными ресницами. Хотелось уже сорвать с нее эту тряпку и посмотреть, что там под ним, просто задолбала она его.

– Итак, пятьдесят тысяч долларов по нынешнему курсу, если округлить, это около четырех миллионов рублей, сумма плевая для твоего мужа и его семьи.

Вика нахмурилась, пытаясь понять, о чем говорит этот мужчина. Это огромные деньги, ее квартира стоит в два раза меньше, конечно, если продать машину Антона, то, может быть, и получится ее перекрыть.

– Слушай, ты вообще откуда? Не могу понять, ты такая наивная по сути или придуриваешься?

– Я не придуриваюсь, и я не наивная, я знаю лишь то, что сказал Антон, что вы кинули его и теперь требуете денег. Я лишь хочу договориться об отсрочке.

– Ты любишь его?

– Кого? – вопрос был настолько неожиданным, что Вика растерялась.

– Кисель! Мужа своего конченого, кого ж еще.

«– Да, конечно, люблю, да», – сказала, а у самой внутри словно протест этим словам.

– А он тебя?

И зачем только Альберт играет в эти загадки? Нахрена ему все это надо, но девушка была до того занятная, что хотелось не только трахнуть, но и поиграть в психолога.

– Да, думаю, да. Он так сам говорил.

Альберт снял пиджак, кинул его на кресло, снова налил алкоголя, сел, закинув ногу на ногу, смотря через толстое стекло бокала на Викторию.

– Три месяца.

– Месяцы? Какие месяцы?

– Ты будешь с нами три месяца, ровно столько будет стоить долг твоего мужа.

– В смысле, с вами?

До Вики все не доходило, о чем говорит этот мужчина. С ними, это с кем? С ним и тем Русланом с бешеным взглядом?

– В прямом. Секс, всякий, разный, где угодно, когда угодно, сколько угодно.

–Я…я…что…это типа проститутки? Вашей личной, на двоих?

Вика махнула рукой в сторону открытой двери ванной, откуда слышался звук льющейся воды. Щеки девушки вспыхнули алым румянцем, когда до нее дошел весь смысл сказанного этим наглецом. А Альберт лишь улыбнулся, продолжая рассматривать девушку. Реакция забавляла, как там говорят, нужно пройти пять психологических стадий. Интересно, за какое время он дойдет до пятой? А вот сейчас будет первая.

Отрицание.

ГЛАВА 7

– Не нравятся условия сделки? Твое тело взамен на долг любимого мужа. Как тебе? Все очень просто.

Вика так и стояла, застыв на месте, во все глаза, продолжая, смотреть на мужчину, сидящего в кресле. Это он сейчас так шутит, или как? Она все никак не могла определить ту грань, за которой он говорит правду или шутит.

– Это шутка?

– Я похож на шутника?

На шутника он точно похож не был.

Альберт потянулся за сигаретами, прикурил, выпустил дым, играя дорогой зажигалкой. Девушка лишь пожала плечами, отвернулась, посмотрев в темное окно. Она нервничала и снова кусала губы, дергала пояс плаща.

Она раздумывает? Уже сдалась? Как все просто и банально. Альберт сделал глубокую затяжку, выпустил кольцо дыма.

– Нет, я не стану с вами спать. Это мерзко, аморально, это чудовищно.

– Ты считаешь меня чудовищем? – оперся на колени локтями, черты лица моментально изменились, взгляд мужчины похолодел. Вот сейчас он хищник: опасный, хитрый, расчетливый.

– Да, это бесчеловечно, ставить перед таким выбором, крепостное право и рабство давно отменили. Что вообще за странные условия? Разве нельзя все решить как-то иначе? Раз уж на то пошло, и Антон должен, мы отдадим, но нужно время.

В глазах девушки уже стояли слезы, Вика реально не знала, как донести до этого мужчины все то, что она думает. Она в ловушке, в этом красивом номере, за городом, и ее никто не хватится, кроме Антона. Учеба еще не началась, кружок, что она вела детям, тоже. Он ведь будет ее искать? Ведь будет?

– Он не придет.

– Что?

– Ты считаешь чудовищем не того человека.

– Я не понимаю, – Вика быстро вытерла слезы, что все-таки скатились по щекам, посмотрела на Фирсова.

Альберт хотел ответить резко, грубо, открыть девчонке глаза на то, кто на самом деле чудовище, кого на самом деле стоит бояться и обходить стороной. Но ведь она не поверит. Сейчас не поверит. Снова затянулся, никотин заполнял легкие, проникая в кровь, неся секундное расслабление, успокоение.

– Подойди.

– Вы снова начинаете свои игры. Я…я не хочу в них играть…я не могу.

– Виктория, подойди.

Девушка заколебалась, снова посмотрела мужчине в глаза.

– Зачем?

– Затем, что я так хочу. А если я хочу, ты подходишь, и делаешь то, что я хочу.

Он давил, Вика чувствовала, взглядом, тоном голоса, своей энергетикой. Становилось душно, хотелось открыть окно и вдохнуть ночного воздуха полной грудью. Хотелось, чтоб все происходящее, было всего лишь сном.

Сделала несколько шагов, потом еще, оказавшись совсем близко. Смотрит, как мужчина тушит сигарету в пепельнице на низком столике, поставил туда же бокал со спиртным, и так быстро дергает ее за руку, усаживая себе на колени.

– Что вы…

– Ты так быстро прошла несколько стадий, сама того не осознавая, но они еще вернутся к тебе, – Альберт крепко держит девушку за руку, заведя ее за спину, она часто дышит и снова, как испуганный зверек, смотрит ему в глаза. – Ты поймешь, не сразу, но поймешь. Ты ведь умная девочка, и такая красивая.

Другой рукой, провел пальцами по щеке, поправляя волосы. Кожа такая нежная, глаза блестят, но в них все еще страх и смятение. Он не ошибся, девочка на самом деле занятная, не такая, как все, что его окружают. В ней столько доверия и чистоты, а еще смелости, но это даже заводит. Как, вообще, можно проиграть такое сокровище?

– Не бойся, только не бойся меня.

Голос низкий, Вика чувствует запах алкоголя, табака и тонкий аромат его парфюма. Альберт не отпускал ее взгляд своим, гладил по лицу, задевая губы, проводя по ним большим пальцем. Это завораживало, вот рука переместилась на плечо, ниже, накрыла колено. Голую кожу сразу обожгло ладонью, но Вика все продолжает смотреть в его светлые глаза.

– Такая нежная кожа, ты ведь нежная девочка, да? Такая трогательная, но такая дерзкая.

Альберт забрался по подол платья, поглаживал бедро, крепко фиксируя девушку, прижимая к себе. Член в брюках уже стоял, она как раз своей попкой сидела на нем, больно придавив возбужденную плоть.

– Чшшшш….чшшшш….маленькая, не дергайся.

Вика предпринимала слабые попытки вырваться, но ничего не вышло. Отчего-то не было никаких сил сопротивляться, не надо позволять ему себя трогать.

Это неправильно.

Так не должно быть.

Но как только Вика захотела оттолкнуть мужчину свободной рукой, ее шею сдавили пальцами, а губы накрыли поцелуем. Перед глазами сразу потемнело, потом поплыли яркие круги, воздуха стало не хватать, ладони вспотели.

Он целовал, до боли засасывая губы, насилуя рот языком. Вкус крепкого алкоголя и никотина ударил по рецепторам, пуская по телу дрожь. Альберт впился в ее губы, сминая, подчиняя. Такие мягкие и такие нежные, от них нельзя было оторваться, у них был вкус яблок.

Член болезненно дернулся в брюках, чувствовал, как головка сочится предсеменем, хотелось разложить девчонку на этой кровати, а лучше приспустить брюки, отодвинуть ее трусики, и насадить сразу по самые яйца. Но было бы слишком просто, согнуть ее, вставить член и тупо трахнуть. Просто и скучно. Давно Фирсов не принимал сопротивление от девок. Они сами раскладывали себя, предлагая, позволяя делать все что угодно.

Сдавливая ее горло, Альберт задирает плащ и подол платья, гладкая кожа бедра, чуть сместил ее на своих коленях, заставляя раздвинуть ноги. Девушка вскрикнула, да так громко, заглушил ее крик, засосав губу, накрыл пальцами промежность, надавил.

– Отпу…что…не…ааааа…нет.

Это было совсем непостижимо, ее трогал между ног совершенно незнакомый мужчина, целовал, по-животному лаская языком ее рот, а она не могла дать отпор, трепыхалась в его руках, как птица, пойманная в силки.

Тело пронзило острое удовольствие, когда Альберт надавил еще, задевая чувствительную точку. Вика пыталась свести колени вместе, но ей не дали этого сделать, быстро усадив сверху, лицом к лицу.

– Не дергайся, только не дергайся, дыши, смотри на меня.

– Я…. что вы делаете? Отпустите меня.

– Тебе ведь нравится? Вот так нравится, да?

Наглый взгляд, а потом снова то касание между ног, он проводит пальцами по трусикам, лаская через ткань ее раскрытое лоно. Вика сжала губы, снова дернулась, чтоб уйти, но он так ловко отодвинул белье, тут же проник пальцами во влагалище.

– Аааа…..аааа,– по телу волной пронеслось удовольствие, которого не должно было быть, но оно было.

– Какая мокрая маленькая девочка, так не хочет и сопротивляется, что течет.

– Нет, прекратите.

– Конечно, я прямо сейчас прекращу.

Альберт медленно двигал пальцами, лаская внутренние стеночки влагалища. Она на самом деле была мокрая, а еще очень горячая. Странная у них получается прелюдия, оба одеты, девчонка так вообще в этом дурацком плаще, член стоит колом, а Виктория, продолжая сопротивляться, двигает бедрами, течет еще больше на его пальцах.

Альберту нравилось играть, подчиняя, подстраивая в этой игре под себя. Видеть сопротивление, попытки дать отпор.

– Я хочу уйти, отпустите, это неправильно, – чуть не плача, цепляется за рубашку мужчины, а он продолжает эту невыносимую пытку, лакая ее между ног.

И почему она так реагирует? Что с ней случилось? Столько смешанных и непонятных чувств, он трогает совсем не так, как Антон, ей не нравились такие ласки, Вика считала, что так не должно быть. А вот сейчас все происходит именно так, с другим мужчиной, и она на самом деле влажная. Мозг еще не может понять, что происходит, но тело реагирует моментально, словно он задевает что-то особенное, делает это как-то иначе.

– Расслабься, а то будет все иначе, будет больно, очень больно, – смотрит, сжав губы, взгляд колючий.

Что он несет? Когда это Фирсова Альберта волновало чье-то желание? Но вот сейчас волнует. Не хочется ломать эту напуганную белку, он хочет видеть ее оргазм сквозь сопротивление и борьбу разума с телом. Чистое удовольствие, ничем не поддельные эмоции.

– Да, малышка, да, вот так. Смотри на меня. Смотри в глаза.

ГЛАВА 8

Он так смотрел, дышал прямо в рот, чуть касаясь губ Виктории. Девушка напряглась, Альберт перестал двигать пальцами, медленно вышел из нее.

– Ты такая влажная, ягодка, хочешь попробовать, какая твоя киска на вкус?

Подносит пальцы к ее губам, проникает в рот, продолжая смотреть прямо в глаза. Они у нее такие большие, удивленные, как же, сука, стоит член, сам не ожидал, что девчонка так его припечатает своими глазками и откровенными стонами.

Сопротивляется, борется с желанием, не хочет сдаваться. Но Альберт знает точно, ягодка проиграет, даже не зная о том, что проиграли ее. Язычок скользит по пальцам, Фирс сам замирает, прислушиваясь к своим ощущениям, а там внутри, все демоны, готовы вырваться наружу и сломать ее.

Вот же сучка. Она совершенно не соблазняет его, как это делают другие, просто смыкает губы и касается языком. Как любопытная кошка, пробует, но в любую секунду готова сорваться в испуге.

– Теперь я, – Альберт сам облизывает свои пальцы, на которых все еще ее вкус.– И правда, вкусная. Сними эти тряпки, хочу видеть тебя.

Дергает за пояс плаща, потом за ворот, пуговицы выдираются с нитками, летят на пол. Вика, очнувшись от транса, снова начинает сопротивление, но выглядит это так неубедительно, что становится обидно. Мужчина тянет вырез трикотажного платья вниз, а там под ним кружевной, почти ничего не скрывающий бюстгальтер. Антон, как ненормальный фетишист, любит наряжать ее во все такое, накупил кучу откровенного белья, хотя сама Вика любила простоту и удобство.

Но теперь у нее было только сексуальное, местами провокационное нижнее белье, взамен ее удобных слипов и простых лифов. Вот и сейчас этот полупрозрачный с тонким черным кружевом бюстгальтер не скрывал ее торчащих сосков.

– Ух, ты. Вот это ягодки.

– Перестаньте, – говорит чуть слышно, во рту пересохло.

Но Альберт, не дав ей опомниться, резко наклоняет ее назад, придерживая одной рукой, впивается губами в сосок, прямо через тонкое кружево. Сосет, покусывает, хочет попробовать ее на вкус без преграды.

А эта девочка оказалась загадкой, под этим странным плащом оказалось откровенное нижнее белье, а когда он трогал ее между ног, ее киска была гладко и нежной, словно у девочки. Да уж, как говорится, в тихом омуте черти водятся, так недолго извращенцем стать.

Вика снова вскрикнула, из горла вырвался протяжный стон, совсем непохожий на муки, мужчина с одного соска переместился на другой, также засасывая его и чуть покусывая. Он не делал ничего такого, от чего ей было бы противно, а должно было. Ведь она не такая легкодоступная, у нее есть муж, любимый муж.

Она хотела убрать его голову, но получилось так, что вцепилась в волосы, напряглась, еще больше прижимаясь всем телом, подставляя соски для поцелуев. А он, уже расстегнув бюстгальтер, накрыл голую грудь, губами продолжая свои мучительные настойчивые ласки.

Вика завертела головой, но снова замерла в испуге, в нескольких шагах от них стоял тот второй мужчина, Руслан. Ее сердце за сегодня готово было остановиться уже несколько раз, слишком она стала пугливая.

– Рус, ты должен попробовать эти сладкие ягодки. Ты ведь дашь Руслану их попробовать, да, белка?

Альберт даже не поворачивается к Руслану, продолжает ласкать грудь, подавляя все попытки девушки вырваться. А Вика старается смотреть только в глаза Руслану, потому что он стоит почти голый, лишь с полотенцем на бедрах.

Альберт отрывается от сосков, теперь они вдвоем смотрят на нее, а Вика готова провалиться сквозь землю от стыда, все еще не оставляет попыток прикрыться.

– Смотри, какие красивые ягодки. А такие вкусные.

Руслан смотрит на грудь, она у девушки небольшая, округлая, с торчащими и припухшими темно-розовыми сосками. Во рту скапливается слюна, член наливается возбуждением, начинает выпирать через полотенце.

– Я предложил нашей гостье сделку, ее тело взамен на долги мужа, – Фирсов чуть ослабил хватку, откинулся на спинку кресла, осматривал ее своим наглым взглядом.

– И что она ответила?

– Думаю, она согласна.

– Нет, я не согласна, я ничего такого не говорила.

– Не говорила, но текла, как голодная кошка. Ты ведь понимаешь, что это единственный выход для твоего Антошки. Ты ведь любишь его? Ты ведь на все

пойдешь ради него? Или нет?

– Но как вы можете? Как можно ставить такие условия? Это ведь конец всему, это не та сумма, которую нужно так отрабатывать. Вы меня принудили, закрыли в этом номере, я всего лишь пришла поговорить.

– Ну, хочешь, мы тебе доплатим?

– Господи, да что вы такое говорите?

Вот теперь ее точно накроет истерика, дышать становилось нечем, ком в горле сдавливал до болезненных спазмов. Вика начала натягивать на плечи платье, слезы сами покатились по щекам.

Стало так обидно, так больно в душе, так бывало в детстве, когда родители с самого утра были добрыми и трезвыми. Вика думала, что все наладилось, что они больше не будут пить, не будут звать друзей, не будет больше никаких драк, и ей не придется убегать из дома, прятаться от всех в старом сарае.

Мужчины переглянулись, Руслан склонил голову, продолжая всматриваться в девушку. Та ярость и ненависть, что вспыхнула в первые минуты знакомства с ней, сейчас улеглась или это бой его остудил.

Но именно тогда так хотелось сделать ей больно, точнее, не ей, а всему семейству Мироновых, хоть он и понимал, что девчонка ни в чем не виновата. Но было непостижимой загадкой, как она, такая запуганная, с виду скромная, могла связаться с таким подонком, как Антон?

–Ты тоже не понимаешь, почему, да, Рус? Гребаная загадка.

Мужчины словно читали мысли друг друга.

– Что?

Но девушке никто не отвечает, Руслан так неожиданно снимает ее с колен Альберта, Вика стоит, чуть прикрыв грудь, испуганно смотрит в черные глаза этого странного мужчины. Опускает их вниз, на выпирающий через полотенце

член, сглатывает, быстро отводит глаза, но натыкается на Альберта, который, сидя в кресле, начинает медленно расстегивать ремень и ширинку брюк.

– Сними это, – Руслан дергает с силой оставшуюся одежду вниз, вырывая из рук Виктории бюстгальтер, швыряя его в сторону.– Тебе это не пригодится сегодня.

ГЛАВА 9

Мужчина стоит так близко, от него идет жар. Вика видит, как тяжело вздымается его грудь, цепляется взглядом за татуировку. Это огромный череп, с черными глазницами, справа на мощной шее. Он словно сливается с кожей, не имея четкого контура.

Вика вздрагивает, когда его пальцы касаются ее лица, он ведет ими по щеке, вниз, до груди, замирает на соске. Касания такие невесомые, от них по коже бегут мурашки, а внизу живота начинает тянуть.

Руслан хотел взять девчонку грубо, перегнуть через кресло, резко войти, услышав стоны и крики. Подмять, сломать, замарать, пометить все, что связано с фамилией Миронов. Но она стояла, совершенно не сопротивляясь, показывая свое идеальное тело. Вот теперь Руслан начал понимать, на что запал сучара-Антоша.

Сжал небольшую высокою грудь, чуть сдавив сосок, Вика задышала чаще. Склонился ниже, убирая волосы с плеча, провел языком по шее, вдыхая ее чуть уловимый аромат ягод. Засосал тонную кожу губами, Вика схватилась за его плечи, хотела оттолкнуть, но впилась ногтями.

Этот мужчина пугал ее, она, словно парализованная, не могла сдвинуться с места. Они оба ее пугали и завораживали. Вот сейчас он грубо целовал ее шею, сдавливая грудь, а она лишь тихо стонала. Антон тоже так целовал ее, но эти ощущения совсем не похожи на те, что были.

– Послушайте.

– Лучше молчи, – громко хрипит.

Руслан склонился ниже, теперь уже обхватив губами сосок. Вика дернулась назад, но уперлась спиной в грудь мужчины, стоящего сзади.

– Да, ягодка, молчи. Твой ротик пригодится совсем в другом деле.

Вика зажмуривает глаза, прикусывает губу, теперь уже четыре руки ласкают ее, но совсем не грубо. Альберт сзади ведет по спине, накрывает ягодицы, спуская трусики. Руслан спереди не отрывается от груди, Вика лишь всхлипывает от бессилия, но уже не в силах противостоять накрывшим ее ощущениям.

– Маленькая испуганная белка, так теряется от страха, но так хочет. Давай проверим, насколько мокрые твои трусики.

Альберт рвет мешающее полупрозрачное белье, шепчет в самое ухо, накрывает рукой ее между ног, Руслан делает то же самое спереди, касаясь пальцами половых губ, ведя по ним. Вика пытается свести ноги вместе, но эти попытки так жалки и смешны.

От отчаянья хочется плакать, а от новых, еще непонятных ей ощущений, провалиться сквозь землю. Но ведь она не должна ничего чувствовать, она видит их в первый раз, они враги, эти мужчины – нехорошие люди.

К тому же их двое.

Сразу двое!

Господи, она стала шлюхой, реально, грязной шлюхой.

– Такая влажная, – Руслан сдергивает мешающею ткань вниз, снова ласкает девушку между ног, половые губы набухли, клитор так отчетливо выделяется среди них. Давит на него, а сам впивается в ее губы, целует, проникая языком, лишая Викторию воздуха.

– Такая красивая девочка, сука, даже не ожидал, что такая аппетитная попка у тебя.

Легкий шлепок, а потом пальцы Альберта тоже ласкают ее между ног, стимулируя вход во влагалище, а Вика на самом деле течет. Он размазывает влагу, чуть проникая внутрь, тут же вынимает пальцы и ласкает анальную дырочку. Это так порочно, Вика стонет громче, вскрикивает, когда Руслан прикусывает губу, а Альберт двумя пальцами глубоко проникает во влагалище.

Фирс все еще одет, член в белье сочится влагой, пропитывая ткань, яйца болезненно ноют, но до чего вкусная оказалась девочка. Вроде с виду такая простая, невинные удивленные глазки, а на самом деле – чистый секс.

– Рус? – Альберт смотрит, как друг целует ее, натирая клитор девчонки пальцами, а она оседает на их руки и стонет.– Черт, Рус, не сейчас!

– Заткнись!

Альберт ведет головой, отстраняется, но что-то сделать уже поздно. Руслан резко хватает Викторию за руку и тянет к кровати, кидая на нее животом, она чуть не спотыкается, все еще на каблуках, путаясь в брошенной на пол одежде.

– Дай резинку. Фирс!

Тот кидает в него блестящей упаковкой, Вике не дают перевернуться на спину, мужчина перехватывает ее за талию, фиксируя бедра на уровне своего паха. Полотенце летит на пол, Руслан, надрывая зубами упаковку, раскатывает презерватив по члену, раздвигает ногами ее колени, подставляет головку к раскрытому перед ним лону, входит одним движением, глубоко, резко.

Вика кричит, сжимая до белых костяшек таканье покрывала пальцами. Ее словно разрывают изнутри, член большой, она не растянута и не привыкла к такому размеру. Но он легко входит в ее истекающее влагалище. Мозг сопротивляется, это чистое насилие, мужчина делает медленные толчки, с каждым разом проникая глубже.

Руслан склоняется ниже, все так же до боли обхватив девушку за талию, прижимая к себе, имея так грубо, почти по-животному. Все мышцы напряжены, челюсть плотно сжата, прикрывает глаза, слышит только стоны девчонки и матерные слова Альберта. Он сорвался, никогда не мог себя сдерживать, а когда

увидел ее голую, попробовал на вкус ее соски и почувствовал влагу на пальцах, сорвался.

Словно что-то переключилось в голове, была только одна задача – взять самку, сработал животный инстинкт. Адреналин закипает в венах и Руслан уже не контролировал себя.

Толчки стали сильнее, Вика, прикусив губу, глотала слезы, не в силах вырваться. А мужчина продолжал движения, насаживая на свой член так, что она задыхалась. Матрас рядом прогнулся, ее подняли за плечи, сквозь слезы Вика видит лишь силуэт, но толчки при этом становятся медленнее, а проникновение не глубоким.

– Рус, остынь!– громкий приказ Альберта.

Это чистое насилие, а она слабая женщина, которая ничего не может сделать против сильного мужчины. Да и какой он после этого мужчина? Ее держат за плечи, поднимают голову.

– Посмотри на меня, да, вот так. Смотри на меня, ягодка. Смотри в глаза, такая красивая, такая нежная, ты даже плачешь красиво.

Альберт накрывает ее грудь, а Вика цепляется руками за расстегнутую рубашку, всхлипывает. Но когда его пальцы начинают ласкать клитор, вскрикивает, зажмуривается. Руслан сзади совсем замирает, она лишь чувствует глубоко внутри его возбужденную плоть.

– Смотри, да вот так, умница какая.

Она смотрит, глаза голубые, черные зрачки, кажется, видит в них свое отражение.

– Расслабься, чувствуешь мои пальцы? Чувствуешь, как набух твой клитор, как ты течешь на члене? Как хочешь еще, глубже, сильнее. Ты сейчас кончишь на члене Руса, а потом примешь мой, лаская его своим сладким ротиком.

Пальцами другой руки он ласкает ее губы, проникая в рот. Лицо так близко, искушает, дышит прямо в губы, продолжая натирать клитор, а потом целует. Руслан делает небольшой толчок, не в силах сдерживать себя так долго, ослабив хватку. Ведет горячим ладонями по гладкой коже бедер, сжимает ягодицы, смотрит вниз, как его член выходит почти полностью из влагалища девушки, презерватив покрыт ее соками, снова входит.

Он чувствует, девочка расслабляется, наблюдает, как Фирс целует ее, она отвечает. Черт, это возбуждает, Альберт ласкает ее между ног, Руслан накрывает упругую грудь, толкается бедрами, прижимая девушку к груди, вдыхая аромат ее волос.

Вика кричит, срывая голос, тело напрягается, она пытается вырваться, но уже от того, что клитор так болезненно чувствителен, что каждое касание отдается сладкой болью. Альберт держит ее за шею, чуть сжимая, все еще продолжая целовать, стимулирует клитор.

Вика не понимает, что с ней происходит, Руслан болезненно выкручивает сосок, увеличивая толчки, снова насаживая ее на себя, до самого основания члена. Бедра трясутся, тело колотит, член набухает еще больше, Вика начинает кончать, кричит, пытается убрать руку Альберта между своих ног от болезненно воспаленного клитора, но ей не дают.

Руслан рычит, делает несколько толчков, изливается горячим потоком семени в презерватив, продолжая толчки, чувствуя, как девушка сжимает его изнутри.

– Да, белка, выдои своей киской всю сперму. Ахуительная девочка! Иди сюда, попробуем твой ротик.

Вика все еще не может отойти от своего неправильного и такого невероятного оргазма, ее снимают с члена Руслана, он, стягивая презерватив, завязывая узлом, кидает на пол. Откидывается в сторону на кровать, наблюдая, как Фирс усаживает девчонку на кровати, встает на пол. Спускает брюки, проводит несколько раз по стояку рукой, направляя его ей в приоткрытый рот.

ГЛАВА 10

Оргазм отпускает медленно, Викторию хватают за волосы, голову поворачивают в сторону, девушка резко открывает глаза, смотрит наверх, встречаясь взглядом с Фирсовым. Она только что кончила на его пальцах, с членом Руслана внутри, а вот сейчас ей придется удовлетворить его орально.

Нет, только не это.

Вика не ожидала, что он окажется так близко, но Альберт стоял у самого ее лица и поглаживал стоящий колом эрегированный член. Она хочет отвести глаза, но не может, какой-то невероятный ужас переполняет сознание.

Он такой большой: крупная головка, тонкая кожа под которой выпуклые вены, большие яйца. Вика сглатывает слюну и медленно мотает головой в разные стороны в знак своего протеста, закрывает глаза, чтоб не видеть его и не думать о том, что сейчас произойдет.

В глазах мужчины голод и порок, он накручивает распущенные волосы девушки на кулак, приближая к себе. Вика снова смотрит на член, на ровную дорожку светлых волос, что идет вверх по животу.

– Возьми его, – такой хриплый голос, от которого вдоль позвоночника стекает холодный пот.

Вика вздрагивает, эйфория оргазма уже прошла, тело словно в некой прострации. Нет, это все сейчас происходит точно не с ней, это все, как кадры фильма ужасов. Мужчина снова сжимает волосы, до острой боли, член уже касается губ, Вика плотно сжимает их, пытается отвернуться, но ей не дают.

– Не заставляй меня делать тебе больно.

Альберт возбужден до последнего предела, после того зрелища, как Рус натягивал ее на свой член, придурок бешеный, не мог подождать, девчонка бы сама все дала и просила бы еще, но вот именно сейчас он его понимает. Но то, что он видел, было реально возбуждающе, грязно, порочно, но так красиво.

Она была красива в своем сопротивлении и оргазме. Сейчас похоть взяла верх над здравым смыслом, что практически никогда с ним не случалось. Приходилось грубо ломать уже вялое сопротивление этой вкусной ягодки, причиняя боль.

Но она должна понять, что они не в игры играют, что она пришла не к добрым дяденькам простить за мужа, который ее им же и проиграл, хотя она еще не знала об этом. Вот именно в эту ночь произойдет крушение иллюзий.

– Открой рот.

Больно давит на щеки пальцами, Вика открывает, крупная головка с трудом, но проходит.

– Открой шире.

Теперь вошла полностью, странный привкус появился на языке, но совсем не противный. Мужнина толкается, удерживая голову, заходя в ее рот почти наполовину. То, что происходило, было сущим адом, куда она попала добровольно, ведь пришла сама.

Она совсем недавно испытала оргазм на члене одного из мужчин, неправильный, совершенно неуместный оргазм, словно последняя шлюха, а вот сейчас второй будет насиловать ее рот. По щекам текут слезы, но Вика не может сдвинуться с места, лишь упирается руками ему в бедра.

Может быть, это не она? И все, что сейчас происходит, лишь страшная иллюзия?

– Да, вот так, еще, расслабь горло…черт…сладкий ротик, до чего сладкий.

Альберт наблюдал за девушкой, за тем, как она прикрыла глаза, как по щекам текут слезы. Чувствует при этом себя долбаным извращенцем. Стягивает в кулаке распущенные волосы, поворачивая голову чуть вбок, входи в рот уже резче, набухшая головка задевает узкую гортань, девушка начинает дергаться, пытаясь кричать, вырывается.

Дышать было нечем, слюна стекала по подбородку, Вика чувствовала, как увеличивался член Фирсова, разрывая ее на части. Она даже не могла понять, сколько прошло времени, наверно, целая вечность, а он ее все насиловал, запихивая свой член в рот так грубо и резко, до рвотных спазмов, которые его вовсе не смущали. Она пыталась расслабить челюсть, но совсем не получалось, ее, как резиновую куклу, насиловали в рот огромным членом, так мерзко и так унизительно.

– Блядь… сука… ебаный пиздец… кончаю.

Альберт чувствовал вибрацию горла, девушка кричала, дрожала, вогнал член еще глубже, резко дергая ее на себя за шею так, что Виктория соскользнула с кровати, оказалась коленями на полу. Начал кончать глубоко в гортань, а Вика захлебывалась его спермой, пытаясь глотать, быстро вынул, провел несколько раз по стволу, продолжая спуская на лицо и грудь.

Девушка часто дышала, дрожала всем телом, по груди стекала сперма, а по щекам слезы. Ее только что изнасиловали самым мерзким способом, один по-животному, другой еще хуже животного.

Ведь то, что происходило сейчас, было настоящим насилием. Горло сдавило спазмами, она начала задыхаться, глотая ртом воздух, все еще чувствуя во рту привкус его спермы, ничего не видя перед собой из-за стоящих в глазах слез.

Начала всхлипывать, зажала рот рукой, чтоб не завыть в голос, хотелось просто забиться в дальний темный угол, и реветь до красных кругов перед глазами. Хотелось умереть здесь и сейчас, чтоб не видеть больше никогда этих людей. Не видеть никого, никогда.

А ведь она пришла сюда договориться об отсрочке выплаты долга Антона.

Антон. Да, ее муж. Теперь уже бывший. Теперь, уже точно, бывший.

Закрывает лицо ладонями, начинает выть в голос, раскачиваясь на коленях. В голове так горячо, словно лопнул огромный огненный шар. Сквозь свой вой она не разбирает голоса, но вот Вику хватают за плечи, пытаются поднять с пола, она дергается, отползает в сторону. Смотрит перед собой, но ничего не видит из-за слез.

– Фирс, ты, сука, долбаный извращенец.

– Это я-то? Кто все начал? У кого так все чесалось, что надо было срочно сунуть свой огрызок?

– Иди сюда, не бойся, я не трону.

Руслан тянет руку к девушке, та лишь мотает головой, что-то шепчет, продолжая плакать и тихо, так страшно выть, как раненый зверек. Она и сама была похожа на напуганную белку: огромные глаз, припухшие губы, растрепанные волосы.

– Пойдем, не бойся.

– Нет, нет, нет. Не трогай, – шепчет, а сама не слышит свой голос.

Вика упирается спиной в кровать, предпринимает жалкие попытки отбиться от мужчины, но вот он резко тянет ее за руку, тут же приподнимая, берет на руки и куда-то несет.

Паника накрывает еще больше, кажется, что вот он сейчас откроет дверь и выбросит ее, как тот использованный презерватив, в коридор, голую, беспомощную, грязную. Но яркий свет бьет по газам, а потом на Вику сверху льется теплая вода.

Руслан так и стоит с девушкой на руках под струями воды, она словно невесомая, такая маленькая, но с виду не скажешь, что худая. Вика уже не вырывается, лишь вцепилась в его плечи руками, уткнувшись лицом в грудь, все еще продолжая плакать, всхлипывать, но хоть не воет больше.

Было странно так стоять с ней, никогда не носил баб на руках, только если швырнуть на кровать, чтоб жестко отыметь, сбрасывая напряжение. Так он поступил с женой Миронова младшего. Жалеет ли он? Нет. Но Фирс, этот сукин сын, стратег и тактик, прав, наверно, надо было все сделать иначе.

Но Руслан не привык ждать и терпеть и, если что-то или кого-то хочет, то берет, не спрашивая разрешения. Так, конечно, было не всегда, в интернате старшие

наказывали, если он самовольничал, но быстро перестали, видя его бешеный, звериный взгляд, полный ненависти.

– Почему ты плачешь? Ты ведь знала, куда шла.

Нет, Вика не знала, даже предположить не могла, на сколько все буде страшно. Она плакала не переставая, закрыв глаза, вода не успокаивала, а лишь смывала слезы, в груди давило, она задыхалась, словно не хватало воздуха. Все как в тумане, ее завернули в огромное полотенце, так же вынесли на руках, горло обожгло крепким алкоголем.

– Давай, давай, белка, пей. Вот так, умница, еще.

Альберт держа стакан губ девушки, вливал в нее почти целый бокал коньяка. Вика, уже не сопротивлялась, не осталось никаких сил, глотала алкоголь. Тело через минуту стало невесомым, в груди приятная теплота, и темнота накрыла сознание.

ГЛАВА 11

– Ты сколько в нее вчера влил?

– Всего половину бокала. Кто знал, что она так быстро вырубится? Думал, сейчас начнет снова реветь и задыхаться.

– Может быть, не стоило пихать ей в рот свой член?

– А может быть, тебе не стоило этого делать раньше?

Двое мужчин стояли у кровати, на которой спала девушка, раскидав темные волосы по подушке и раскинув в стороны руки. Одеяло не скрывало ее тонкую шею и обнаженную грудь со следами вчерашних поцелуев. Губы припухшие, длинные ресницы дрожат.

Альберту снова захотелось потрогать их и провести пальцами по коже. Они так и стояли вдвоем, оба раздетые по пояс, тихо спорили и смотрели на спящую девушку, не отрываясь. Руслан крутил в руках телефон Виктории, который, оказывается, звонил на беззвучном режиме почти всю ночь, лежа в потайном кармане ее сумочки.

– Муж потерял нашу белку?

– Да.

Руслан легко разблокировал телефон, посмотрел на вызовы, почитал сообщения, ухмыльнулся. Муж, и правда, был взволновал отсутствием молодой жены, как странно, когда он ее проигрывал, его не беспокоила ее судьба. Включил камеру и сделал пару снимков спящей девушки.

Посмотрел, что получилось, а вышло сексуально, она очень красивая, даже сейчас. Отправил фотографию абоненту с именем «любимый», сука, его даже передернуло, как можно вообще было связаться с такой тварью, как Миронов Антон? Связаться со всем этим конченым семейством?

– Она уже наша?

– Конечно, наша, у меня с ночи член стоит, – Альберт поправил в брюках выпирающий орган. – Тебе что, вчера было мало на ринге бойца Марата? Какого хера набросился на девчонку?

– Это я сейчас во всем виноват, да?

– Да, блядь, некрасиво вышло. И когда мы успели опуститься до насилия?

– Ну, да, ты же у нас такой ебаный эстет, тебе шлюхи сами отсасывают, вон, очередь стоит за дверью из них на коленях и с открытыми ртами.

Альберт медленно обошел кровать и тихо опустился рядом со спящей девушкой, Руслан сделал то же, но с другой стороны, ложась рядом. Им обоим не хотелось ее будить, вчера казалось, что она упадет в обморок от слез и воя, вырывающегося из груди, что давил на сознание.

– Когда ты ей скажешь?

– Зачем?

– Решил поиграть в свои психологические игрушки, только меня не надо делать подопытным кроликом.

– Да кому ты нужен.

Альберт улыбнулся, склонил голову, разглядывая такой красивый чуть припухший сосочек Виктории, хотелось облизать его языком, втянуть губами, пососать. Но лишь убрал волосы с ее лица, поглаживая по щеке.

Вика заворочалась, тихо простонала, а мужчины тут же переглянулись. Она, и правда, возбуждала, даже спящая, сразу их двоих. Не то чтоб они никогда не трахали баб вместе, но то были сумасшедшие, пьяные оргии со шлюхами, алкоголем, и то в начале их лихой «карьеры», можно сказать.

Тогда был кураж, первые победы Руса, первые удачные партии Фирса, первый миллион и начало строительства их личной, маленькой империи, небольшого филиала разврата, порока и полного отсутствия морали под милым названием «Раздолье».

Руслан с другой стороны провел костяшками пальцев по шее, по заметным на белой коже синякам, даже не понял того, как успел их оставить, точно сорвался, как бешеный, лишь увидел ее голое тело. Задел сосок, чуть приспустил одеяло ниже, обнажая животик.

Виктория пыталась открыть глаза, но не получалось, голова ужасно болела, потерла виски, было прохладно, а еще запах, такой терпкий и горьковатый. Это был мужской парфюм. Наконец открыла глаза, слишком яркий свет, приподнялась на локтях и тут же застыла на месте.

Какой-то невероятный страх моментально сковал тело. Обернулась по сторонам, вскрикнула, пытаясь отползти наверх, прикрываясь одеялом. Она была совершенно обнаженная, а рядом двое мужчин, тех самых, что вчера насиловали ее на этой кровати в этом номере.

– Выспалась?

– Что…что вы здесь делаете?

– Мы здесь спали.

– Со мной? Втроем?

– Что тебя так смущает, белка? Секс уже, можно сказать, был, ну, не втроем, но он был. Теперь мы будем всегда спать втроем и заниматься сексом. Как тебе такой расклад?

Голова моментально заболела еще больше, в горле пересохло, Вика лишь помнит, как ее несли под душ, а потом крепкий алкоголь, и дальше ничего. А еще, конечно, то, что было до этого. Снова начала накрывать истерика, она уже чувства ее по первым признакам нарастающей паники.

Девушка крутила головой, зажав рот ладонью, смотрела то на одного мужчину, то на второго. Оба полуобнаженные, темные глаза Руслана, внимательный взгляд, эта страшная татуировка черепа на шее, он протянул руку, чтоб стянуть с нее одеяло, но Вика снова дернулась, натягивая его сильнее.

– Конечно, втроем. Или, может, Антоху твоего пригласим, пусть посмотрит. Хотя, нет, Рус его покалечит, и будешь ты вдовой.

– Не трогайте, пожалуйста.

Слезы уже текли по щекам, Вика быстро стерла их ладонью.

– Так мы и не трогаем.

– Отпустите.

– Конечно, отпустим, но ты сама вернешься.

Альберт подвинулся ближе, посмотрел на девушку своими холодными глазами, в которых не было уже ни капли веселья, а в словах и намека на шутку.

– Тимур отвезет тебя, ты соберешь свои вещи и вернешься. Начнешь отрабатывать долг как можно быстрее.

– Я вам ничего не должна.

– О, даже так? Хорошо, ты ничего не должна, Антоха отработает сам. Или у нас уже нет мужа?

Вика снова впала в какой-то ступор: насилие, шантаж, что будет дальше? Он играет с ней, как кошка с мышкой, шутит, издевается. Да она уже не сможет смотреть мужу в глаза после того, что было. И простит ли он ее? Все так ужасно и сложно, надо просто сейчас соглашаться с любыми словами, надо просто вырваться отсюда, а там она подумает, как быть дальше. Там все решится.

– Ты ведь не думаешь, что сможешь убежать или не вернуться?

– Нет.

Он что, читает ее мысли?

Альберт снова протянул руку, чтоб убрать с девушки покрывало, но Вика чисто по инерции, машинально, сама того не ожидая, залепила ему пощечину, больно обжигая ладонь, да так звонко.

Альберт даже не повел головой, так и замер, с рукой на одеяле, скрипнул зубами, а Вика от ужаса проделанного закрыла лицо руками, опасаясь того, что он ее сейчас ударит.

Он ведь может ударить?

У этого человека нет совершенно никакой морали и приличия.

Но тишину разорвал смех Руслана.

– Правильно, Фирс, согласись, ты заслужил. Я потом научу тебя, белка, как бить сильнее.

– Рот закрой, боец.

Они точно ненормальные, Вика убрала руки с лица, посмотрела на мужчин. Они уже встали с кровати, Руслан все еще продолжал на нее смотреть.

Альберт потирал щеку, да, последний раз он получал по лицу от бабы в пятнадцать лет, когда в интернате задрал юбку их учительницы по русскому языку. В шестнадцать он уже трахал ее на парте под портретами Гоголя и Толстого в том же кабинете русского языка и литературы.

– У тебя три часа. Тимур отвезет.

Альберт развернулся, отошел, а Вика уже не могла оторвать взгляд от его спины, на которой был вытатуирован большой крест в виде двух пересекающихся кривых гвоздей. Она не видела его вчера, да и он не раздевался, но татуировка была до того странной и страшной, что по коже бежали мурашки.

– Ты поняла меня?

– Да, – сказала совсем тихо, но Альберт ее услышал.

Он был удивлен своей реакции, как еще сдержался после ее пощечины, но реально, даже не было мысли ответить ей тем же. Да, он далеко не святой, совсем не святой, может сделать больно, делал много раз, но ударить эту испуганную девчонку – никогда.

Вика быстро поднялась, сейчас была только одна задача – выбраться из этого номера, из этого места, как можно дальше. Если сейчас снова начать рыдать и биться в истерике от страха случившегося, то ее могут не отпустить уже во второй раз.

Девушка, все еще прикрываясь одеялом, начала искать свои вещи, но из всего, что осталось целым, было только платье, плащ и туфли. Быстро надела на голое

тело, прилизала волосы, вытерла мокрые от слез щеки, завязала тугим узлом плащ. Руслан ей подал сумочку, все в полной тишине и напряжении.

– Иди, – Фирс кивнул в сторону двери. Вика сделала первые нерешительные шаги в ее сторону, дошла, не оборачиваясь, тихо вышла за дверь, сердце, как бешеное, готово было вырваться из груди.

Вдруг они передумают?

Вдруг не дадут уйти?

Но она вышла.

– Фирс, ты уверен, что она вернется?

– Ставлю своего мерина.

– На кой мне сдалась твоя тачка?

– Ну, какой-то должен быть азарт и удовлетворение, а то и так член все еще стоит, схлопотал по лицу.

– Хорошо, твой мерин против моего «Кайена».

– Можешь сразу положить ключи на стол.

– Откуда такая уверенность?

– Вот увидишь, муж ее сам приведет.

ГЛАВА 12

Стоя у закрытой входной двери своей квартиры, Вика сжимала в мокрой ладони ключи, не представляя, что ее ждет за ней. Выбежала из того номера, как ошпаренная, лишь бы быстрее покинуть то место и никогда не возвращаться, не видеть и не слышать этих ужасных людей.

Всю дорогу в машине водитель, тот самый Тимур, не сводил с нее глаз, наверняка, думая, какая она дешевая шлюха, что всю ночь провела с двумя мужиками, а сейчас, опухшая, заплаканная, сидит, забившись в угол. Без белья было неудобно, но хуже всего было то, что Вика не нашла в сумочке свой паспорт, который всегда носила с собой. Хотя, эта потеря на фоне того, что произошло вчера, сущая ерунда.

Господи, да почему все так-то? Она так тихо и спокойно жила, а сейчас даже не к кому пойти и пожаловаться, поплакаться, найти хоть каплю утешения и поддержки.

В голове все перемешано: страх, злость, обида. А самое ужасное, Вика не знала, что делать дальше. Что она скажет мужу? Антон такой ревнивый, он не поймет, не простит. Ее брак рухнул в один миг. Что же она наделала? Надо было сидеть дома, никуда не ходить, а лучше было на самом деле уехать в деревню.

Вика даже не называла свой адрес водителю, но ее везли именно домой. Закрыла лицо руками, старалась глубоко дышать, чтоб успокоиться, но перед глазами мелькали картинки прошлого вечера, взгляды мужчин, полные похоти и огня. Но ни одна страсть не оправдает то, что они сделали.

– Я жду.

– Зачем? – Вика со страхом посмотрела на водителя.

– Потому что так было велено.

– Понятно, – спорить не стала, вышла, на ватных ногах зашла в обшарпанный подъезд, поднялась на пятый этаж.

И вот сейчас вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь, зашла в темную прихожую. В квартире было тихо, что пугало еще больше.

Сделала несколько шагов в сторону кухни и замерла на месте.

– А я уж думал, ты не вернешься. Понравилось?

Антон сидел за столом, как она в ту ночь, что ждала его, смотрел исподлобья, сжимая в руке телефон. Во рту снова пересохло, Вика не знала, с чего начать, как объяснить, где она была и что произошло.

– Антон, я…я не знаю…так вышло…

– Молчи, блядь! Я-то думал, у меня лучшая жена на свете, такая нежная, чистая, она никогда меня не предаст. Но ты оказалась последней шлюхой, сука, хуже последней конченой шлюхи!

Мужчина встал, скинув со стола на пол полную пепельницу с окурками, та с оглушительным звоном разбилась на мелкие осколки прямо у ее ног. Вика сделала несколько шагов назад, но Антон надвигался так быстро, губы плотно сжаты, в глазах такая ненависть, что реально страшно.

Он хватает ее за горло, больно сжимает, сразу перекрывая кислород, Вика цепляется за его руки, царапает ногтями, пытается ослабить хватку, хрипит.

– Сладко спалось, да? Сладко? Ты специально, да? Специально сказала своему ебарю, чтоб сфотографировал тебя и выслал мне фото?

– Я…я…Антон…отпусти…

– Тварь! Какая же ты тварь! Мерзкая тварь!

Антон дернул жену на себя, потом встряхнул и больно ударил о стену спиной, ослабил хватку. Вика начала глотать ртом воздух, прижала руки к груди. Но тут посыпались удары, прямо у ее головы, Антон бил в стену, громко матерясь. Ревность разрывала его на части, он с трудом сдерживал себя, чтоб не свернуть Виктории шею.

Она его предала! Она неизвестно где и с кем провела ночь! Его Виктория, такая тихая и кроткая девочка, наставила ему рога. Он не помнил о своих грехах, то,

что вообще поиграл ее в карты, только то, что его предали, что ему больно.

– Тварь!

Взмах руки, щеку и губу обжигает болью, во рту вкус крови, Вика глазами, полными слез, смотрит на своего мужа, чувствует, как пульсирует разбитая губа, как что-то теплое стекает по подбородку.

– Я всего лишь хотела попросить у тех мужчин отсрочить твой долг. Я всего лишь пошла просить за тебя, за нас, что мы отдадим им деньги, что мы все вернем.

– Куда ты пошла?

Антон придвинулся ближе, в затуманенном после ночной дозы сознании начинало что-то проясняться, наркотик отпускал. Схватил Вику за подбородок и заглянул в глаза, такие огромные, полные страха и слез.

– К тем, про которых ты говорил, Фирсов и Ястребов. Я лишь хотела поговорить, попросить.

– И что они тебе сказали?

– Сказали, что я должна отработать долг.

– И ты начала отрабатывать прямо там?

– Нет, нет, я ни на что не соглашалась.

Антон снова схватил ее за шею, начал задирать другой рукой подол плаща и платья, под которым совершенно ничего не было, сжал пальцы еще сильнее, когда понял, что на жене нет белья.

– Ты так сильно торопилась к мужу, что забыла надеть трусики? Шлюха, ты просто мерзкая, грязная шлюха. Они что, трахали тебя вдвоем? А ты стонала и просила еще? Да?

– Нет, нет, Антон, не надо.

Господи, она не вынесет нового насилия, Антон уже накрыл рукой ей между ног, до боли надавив на нежную плоть, Вика пыталась свести ноги вместе, по щекам текли слезы от безысходности и отчаянья.

– Нет! Антон, нет! Не надо, я прошу тебя. Не надо!

Она не соберет себя после этого, наглотается таблеток или вскроет вены, потому что не сможет жить после всего, что было. Если ее сейчас изнасилует собственный муж, это будет последней каплей. Вика пытается вырваться, собрать последние силы и дать отпор, вот Антон убирает руки с шеи, пытается стянуть с нее плащ.

Вика упирается ему в грудь, видит, что мужчина совершенно обезумевший, не контролирует себя, резко бьет коленом в пах, Антон охает, хватается уже за свои яйца, снова матерится.

– Антон, ты можешь меня выслушать! Все не так, все совсем было не так, они удерживали меня силой, не отпускали!

Вика вытерла со щек слезы, потом подборок, на пальцах была кровь, но это было не важно, главное, чтоб ее оставили в покое, все оставили. Да, может быть она виновата сама, что пошла, как глупая, надеясь быть услышанной, но что случилось, то случилось, пусть ей не будет прощения, но выносить издевательства и насилие она больше не намерена. Повторять судьбу своей матери она не станет.

– Я хочу, чтоб ты ушел. Антон, уйди.

Мужчина разогнулся, посмотрел на Вику, криво улыбнулся.

– И не думай, я тебя не оставлю, ты ведь моя, Виктория, только моя.

– Я изменила тебе, я ужасная, плохая, грязная шлюха! Тебе не нужна такая жена. Я больше не та Вика. Я лишь хотела помочь, лишь хотела помочь, но…но ничего не вышло.

Вика уже кричала, снова начиная задыхаться от слез и истерики, которая в который раз за сутки накрывает ее.

– Я прошу тебя, уйди, и дай уйти мне, я уеду, я не могу больше…не могу.

На полу громко зазвонил телефон, Антон хотел сделать шаг к Вике, но остановился, посмотрел вниз. Это был его телефон.

– Да.

– Три дня прошло. Или ты, торчок, разучился считать?

– Я знаю.

– Нет, ты, наверно, не знаешь, что карточный долг—это святое, и его надо отдавать.

– Но…она уже была у вас.

– А вот это совсем другая история.

Антон разговаривал с Фирсовым, этот сукин сын давил, а он продолжал смотреть на свою ничего еще не знающую и не понимающую жену. Как, вообще, она могла пойти к этим ублюдкам? Что там произошло, и зачем они тогда ее отпустили?

– Тебе понравилось фото? Как рога, не давят? Рус, конечно, перегнул, но твоя жена, и правда, очень красивая.

Антон сжал кулак, снова ударил им несколько раз в стену, Вика громко вскрикнула.

– И да, если я увижу, что ты ее избил, сломаю руку.

ГЛАВА 13

Виктория пыталась заглушить рыдания, всхлипывала, жадно пила ледяную воду из-под крана. Как только Антон отвлекся от нее, девушка быстро забежала в ванную, закрылась на замок. Но не было никакой уверенности, что тот поможет, если муж решит войти и вытащить ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dashkova_ol-ga/chuzhaya-zhena-dvoynaya-sdelka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити